

Дж. КЕЙНС

РОССИЯ*

Население Европейской части России возросло со 100 млн. в 1890 г. до 150 млн. человек к началу войны 1914 г., увеличиваясь ежегодно; если судить по последним данным по России в целом, на 4 млн. человек. Разрастающемуся населению для поддержания жизни нужны не только естественные ресурсы, например, земля, но также средства для ее обработки и организация. В известной степени это можно обеспечить при помощи западных капиталов и квалификации работников. За четверть века перед войной Западная Европа предоставила России на развитие собственности займы в сумме, которую приблизительно можно оценить в 1—1,5 млн. фунтов стерлингов, или, иными словами, 10 фунтов на душу населения. Большая ее часть была истрачена попусту либо направлена на поддержку экстравагант-ностей старого режима. Тем не менее была построена широкая сеть железных дорог, порты, созданы современные предприятия; многие из них находились под контролем иностранцев. В свою очередь Россия, обеспечивавшая себя продовольствием, вывозила четверть мирового экспорта пшеницы. Множество поляков и евреев эмигрировало в Соединенные Штаты, но общий баланс населения империи в целом от этого существенно не нарушился.

Давление, которое обычно оказывает высокая рождаемость на рынок занятости, сказывается на человеке не столь сильно в тот период, когда он находится в стадии взросления, но затем накапливается. Количество дополнительных рабочих рук, ищущих себе приложение, зависит не от уровня рождаемости в данном году, но — если вспомнить, что активный трудовой возраст человека находится в диапазоне от 17 до 67 лет, — от разницы между уровнями рождаемости двух поколений: 17- и 67-летних, разумеется, за вычетом тех, кто умер за год до их рождения.

Демографическая статистика в России не дает точные цифры о приросте трудоспособного населения¹. В 1914 г. чистый прирост к общему количеству рабочих низкой квалификации, ищущих работу, должен был составить полмиллиона человек; однако после этого, не считая смертность в годы войны и революции, ежегодная прибавка рабочей силы могла бы быстро увеличиваться год за годом, составив в конечном итоге более одного миллиона человек — результат высокой рождаемости и выживания людей начала XX века. Смертность среди молодых мужчин в военное время «съела» чистый прирост, который в противном случае обязательно имел бы место. Ясно, что высокая смертность, носящая такой специальный характер среди лиц во цвете лет, необходима хотя бы для сохранения половозрастного равновесия.

Сокращение рождаемости и высокая смертность детей и престарелых в тяжелых условиях может принести кратковременное облегчение, поскольку снижается потребление пищи. Однако о долговременном позитивном влиянии на рынок труда говорить нельзя.

Растущая масса людей, оккупировавшая седьмую часть земной поверхности, управлялась самым жестоким, самым коррумпированным и самым неэффективным правительством из всех, именующих себя цивилизованными. Оно предпочло «подпитываться» человеческими телами скорее, чем мозгами. Зато содержало огромную армию. Незначительное меньшинство народа жило в роскоши, обогащаясь за счет незаконных операций с иностранным капиталом или частной собственности на неиссякаемые естественные ресурсы. За фасадом этого мира трудился класс профессиональных революционеров, взращенный идеей игры жизнью и судьбой — своей и других людей.

Гений русского славянства показал себя слабо приспособленным к современному бизнесу и предпринимательству в рамках усложняющейся экономики индустриального мира, которая поэтому часто перепоручалась иностранным или полуиностраным силам; более чем любым другим европейцам славяне должны быть признательны своим евреям. Русские,

* Пер. по «Manchester Guardian Commercial». 1922. 6 July.

¹ См., например, интересные цифры, которые приводит мистер Струмилин в своей статье (он был членом Президиума государственной комиссии по экономическому планированию). Я настаиваю на более скромных цифрах.

которые колеблются между бесосновательной самонадеянностью и смутным универсализмом, не очень-то склонны к организованному индивидуализму в стиле Западной Европы. Вклад, который творческая мощь России внесла в копилку мировых ценностей — иного рода. Россия была нестабильна снизу — из-за разбухания населения и сверху — из-за грубости правительства. Воздействие войны на этого несбалансированного монстра было губительно. В 1914 г. старый режим пал. Были задействованы внутренние резервы страны, но ее организация разрушилась.

Когда в 1917 г. разразилась революция, власть оказалась быстро захваченной тремя силами: крестьянами, жаждавшими земли; энтузиастами коммунистической догмы, верившими в революционные мифы; фанатиками разрушения, которые ненавидели старый режим больше, чем любили новый, чьим сокровенным мотивом было — «уничтожьте гадину». Я не верю, что политические лидеры, Ленин и его воинство сильно заинтересованы тем или иным способом наладить экономику коммунизма. Революционный коммунизм в их руках представлял лишь удобный инструмент смещения. Он может работать, а может и не работать. Но это не главное. Лидеры России, как и повсюду в мире, являются политиками, но не экономистами. Создав свою экономику в этой конкретной атмосфере, они тем не менее с равным правом открыты для любой новой экономики, имеющей иную атмосферу. Но они ненавидели старый режим с достаточными основаниями.

Именно третья группа лиц завладела рычагами реальной власти и, взяв в свои руки политический контроль за состоянием дел, показала высокую интеллектуальную компетентность. История революций не содержит такого примечательного или такого холодного и блестящего восхождения, как карьера Николая (sic!) Ленина, ныне завершившаяся, но не из-за капитуляции или ухода с исторической сцены, а в силу физической болезни. Вторая группа лиц — коммунистические доктринеры, у которых льстивые концепции маскируют железный кулак — ужасно неоригинальна. Они имели возможность осуществить великий эксперимент, но их интеллект оказался не годным — не скажу на что-то удачное, ибо это невозможно — хотя бы на нечто более-менее интересное. Конечно, военные разрушения и последовавшая за этим блокада, не говоря уже о голоде, делают их бессильными в решении проблем. А ведь даже пробный эксперимент потребовал бы значительного запаса ресурсов для своего осуществления. Но, думается, им неизвестна природа экономических сил, проявляющихся во *всех* обществах: они не могут различить между тем, что постоянно и надежно даже в старой системе, и тем, что можно было бы изменить. К 1921 г. пал доктринальный режим, оказавшийся глупым и неэффективным. Чтобы спастись, Ленин направил свою администрацию по пути компромисса, известного как новая экономическая политика. Мифы сделали свое и стало ясно, что каким бы ни было будущее, старый режим уже *полностью* разрушен. Позор смыт, и его следы стерты. В эволюционной борьбе одна из разновидностей зверя не получила продолжения, работа Ленина была завершена.

Тем временем миллионы, родившиеся уже после 1890 г., подросли и вдруг обнаружили, что те богатства и организация, которые должны облегчить их жизнь, исчезли. Не осталось промышленности, действующих железных дорог, сельскохозяйственных угодий — ничего, кроме степей, полей и рек, на которых всего 80 лет тому назад проживала лишь половина нынешнего населения. У разочарованной массы людей природа, как будто сострадательно ускорив приближение неизбежного, отобрала теперь еще и обычные дары; как часто перед этим, она с помощью своего обычного орудия восстановила равновесие между человеком и средой его обитания.

Каким же образом Западная Европа реагировала на развитие дел в России? Трудно без пристрастия отнестись к современным событиям. Предрассудки, невежество, террор, отсутствие исторического чутья искажают перспективу. Нашей первой реакцией была тревога по поводу политической компетенции революционных властей — как бы их влияние не распространилось на Запад. По этой причине мы выделили деньги для неудачных военных экспедиций. Последовала реакция, которая и теперь направляет наши действия — тревога по поводу экономической некомпетентности революционной власти и ее возможных воздействий на наше экономическое здоровье. Исходя из этого мы обсуждаем возможности финансовых расходов для экономической миссии восстановления. Но мы опасаемся — куда больше, чем нужно — не станут ли подобные расходы столь же тщетными, как и предыдущие.

Такие опасения — наряду с враждебностью эмигрантов, которые ненавидят большевиков больше, чем любят Россию, — заставляют нас принимать решения только на основе слухов, далеких от реальности — к примеру, о требованиях иностранных владельцев облигаций, которые одолжены старым режимом. Хотя мы и невеликодушны, но, я думаю, не настолько, чтобы считать серьезными дискуссии, происходящие в Генуе. А если бы мы видели наш путь четко и в правильном направлении — требования этих владельцев не довели бы над нами. В природе революций, войн и голода уничтожать закрепленные законом имущественные права и частную собственность отдельных индивидов. Ведь глупо негодовать на молнию или ужасаться вулкану, как бы он не создал прецедентов.

Самые великие из русских учат нас, как надо понимать грандиозные исторические события. Их производит не власть, не умственная деятельность меньшинства, но деятельность всех людей, принимающих участие в событии и соединяющихся всегда так, что те, которые принимают непосредственное участие в событии, принимают на себя наименьшую ответственность.... В этот двадцатилетний период времени огромное количество полей не пахано; дома сожжены; торговля меняет направление; миллионы людей беднеют, переселяются, и миллионы людей-христиан, исповедующих закон любви ближнего, убивают друг друга. Что такое все это значит? Отчего произошло это? Что заставляло этих людей сжигать дома и убивать себе подобных?.. Новая история, отвечая на эти вопросы, говорит: вы хотите знать, что значит это движение, отчего оно произошло и какая сила произвела эти события? Слушайте: «Людовик XIV был очень гордый и самонадеянный человек; у него были такие-то любовницы и такие-то министры, и он дурно управлял Францией. Наследники Людовика тоже были слабые люди и тоже дурно управляли Францией. И у них были такие-то любимцы и такие-то любовницы. Притом некоторые люди писали в это время книжки. В конце XVIII столетия в Париже собралось десятка два людей, которые стали говорить о том, что все люди равны и свободны. От этого во всей Франции люди стали резать и топить друг друга...».

Подобным образом Толстой высмеивает тех историков, чьи ответы напоминают «человека, который, глядя надвигающееся стадо и не принимая во внимание ни различий доброты пастбища в разных местах поля, ни погони пастуха, судил бы о причинах того или другого направления стада по тому, какое животное идет впереди стада».

В различных статьях, которые предлагаются читателю сейчас, можно убедиться, насколько по-разному освещают события в России те или иные наблюдатели, в них можно найти больше мудрости, чем в состоянии придумать один автор. Доктор Нансен (исследователь Арктики, организующий помощь голодающим) выслал мне фотографию мальчика с неестественно застывшими глазами, внушающими ужас: он убил и съел свою сестру. Мистер Гомперс убеждает нас, что американские профсоюзы должны стоять в стороне до тех пор, пока мальчик не получит правительство, «учрежденное свободным одобрением народа, которым оно стремится управлять». Мистер Струмилин провозглашает главным богатством России и гарантией будущего ее возвышения растущий отряд рабочих, которые, на мой взгляд, испытывают глубочайший упадок здоровья. Большевистские комиссары живописуют свои планы и надежды. Другие детально рассказывают о коллапсе организации и источении богатства. Но никто из моих авторов не упоминает об огромных долгах страны.

Хотя состояние дел скорее парализует, чем стимулирует нас. Хотя мы и должны стоять в стороне, не вмешиваясь и довольствуясь наблюдением хода событий, на которые не в силах повлиять. Но с другой стороны, действие является стоящим, если оно влечет хоть какую-то надежду на результат, даже мало ощутимый. Чрезмерный акцент на силу доминирует скорее в общем тоне наших настроений, чем в конкретностях нашей политики. В мире повседневных дел такие настроения должны занимать свое место — их надо прятать. Если даже человек не в силах повлиять на события, поскольку они — результат столкновения бесчисленных взаимодействий, совокупность индивидуальных волей (если им дать правильную направленность), тем не менее можно устранить несправедливость, которую допускает другая, неправильно ориентированная, совокупность волей.

² Заинтересованный читатель найдет в статьях, напечатанных ниже, как расходятся в оценках актуальности этой проблемы три выдающихся и авторитетных американских писателя, по сравнению, например, с лордом Робертом Сесилем и синьором Орладо.